

Я. С. ЛУРЬЕ

Иван Грозный и древнерусская литература в творчестве М. Булгакова

Царь Иван Васильевич Грозный появлялся в сочинениях Михаила Булгакова несколько раз. Он фигурировал уже в первой редакции «Мастера и Маргариты», написанной в 1928—1929 гг. и называвшейся «Копыто инженера» или «Консультант с копытом», затем в пьесе «Блаженство» 1934 г., где Иван IV, извлеченный из прошлого машиной времени, появляется в двух эпизодах, и, наконец, в созданной в 1935—1936 гг. в результате переработки «Блаженства» комедии, самое название которой связано с Грозным, — «Иван Васильевич». Упоминается Иван IV и в конспекте курса истории СССР, составленном Булгаковым в 1936 г.

Историографические труды, к которым обращался Булгаков при создании образа Грозного, нам точно неизвестны, но древние источники (использованные прямо или опосредованно) могут быть определены. Речь идет прежде всего о Послании Ивана Грозного в Кириллов Белозерский монастырь в 1573 г. В пьесе «Иван Васильевич» Булгаков цитировал и иные древнерусские памятники, но Послание в Кириллов монастырь он знал в оригинале и привлекал широко.

Послание Грозного в Кириллов монастырь было вполне доступно Булгакову — оно издавалось в «Актах исторических» (т. 1), в «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древне-русского языков» Ф. Буслаева. Послание это Булгаков использовал уже в «Копыте инженера». После рассказа о встрече Берлиоза и Иванушки с Воляндом и гибели Берлиоза (сходного с аналогичной сценой в «Мастере и Маргарите») следует сцена, в которой Иван с баяном в руке оказывается на Бронной улице:

«Трамвай проехал по Бронной. На задней площадке стоял Пилат, в плаще и сандалиях, и держал в руках портфель.

„Симпатия этот Пилат“, — подумал Иванушка, — „псевдоним — Варлаам Собакин“. . .».

Далее Иванушка оказывается на паперти у Василия Блаженного: «И точно учинился Иванушка на паперти. И сидел Иванушка, погромыхая веригами, а из храма выходил страшный грешный человек — исполу царь, исполу монах. В трясущейся руке держал посох, острым концом его раздирая плиты. Били колокола. Таяло.

— Скучные дела твои царь, — сурово сказал ему Иванушка, — лют и бесчеловечен, пьешь губительные обещанные дьяволом чаши, вседукавый монах. Ну, а дай мне денежку, царь Иванушка, помолюся ужо за тебя.

Отвечал ему царь, заплакавши:

— Почто пужаешь царя, Иванушка. На тебе денежку, Иванушка-верижник, божий человек, помолись за меня!».¹

¹ Булгаков М. Копыто инженера: Три отрывка из черновых редакций «Мастера и Маргариты» // Памир. 1984. № 7. С. 53.

Итак, здесь впервые у Булгакова появляется Иван Грозный, обличаемый, как в ряде рассказов XVI в.,² юродивым. Но уже характеристика царя как «исполу царя, исполу монаха» отсылает нас к Посланию в Кириллов Белозерский монастырь, где царь говорил: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец».³

Послание Грозного помогает понять и предшествующий, довольно загадочный, абзац рассказа, где фигурирует Пилат. В послании в монастырь царь упоминал ссору между постриженными в монахи боярами Шереметевым и Хабаровым и Варлаамом Собакиным, приехавшим в монастырь по царскому указу. С нечуждой ему иронией Грозный писал: «Есть бо в вас Анна и Кайяфа — Шереметев и Хабаров, и есть Пилат — Варлаам Собакин, понеже от царские власти послан. . .».⁴ В послании царя Варлаам Собакин, Шереметев и Хабаров — реальные лица, а Пилат, как Анна и Кайяфа (иудейские священники, упоминаемые в евангелиях), — их метафорическое уподобление. М. Булгаков использует ту же метафору, но весьма изящно оборачивает ее наизнанку. У него как раз Пилат в его историческом образе — «в плаще и сандалиях» — реальная фигура, а вторичным его наименованием, псевдонимом оказывается «Варлаам Собакин». Что это значит? Нам известен человек, писавший под псевдонимом «Собакин». Так подписывал свои фельетоны коллега Булгакова по «Гудку» Валентин Петрович Катаев. В годы совместной работы в газете они были в дружеских отношениях, и Булгаков даже читал по просьбе Катаева актерам МХАТа инсценировку катаевской повести «Растратчики». Но в эти же годы Катаев, связанный тогда с сестрой Булгакова Лелей кратковременной и в конечном счете несчастливой любовью, описал в рассказе «Зимой» («Медь, которая торжествовала») брата своей возлюбленной — синеглазого писателя, который «не любит революции, не любит потрясений, не любит нищеты и героизма», запрещает герою-бедняку жениться на своей сестре и воспекает доллар.⁵ Это был не такой злобный памфлет, который написал в те годы другой бывший друг Булгакова Ю. Слезкин, но Булгакова, очевидно, повесть Катаева задела: после 20-х годов и начавшихся в конце их злоключений Булгакова дружеские отношения между ними прерываются; во всяком случае следов каких-либо связей между ними не обнаруживается. Есть поэтому все основания предполагать, что неожиданно появившийся в «Консультанте с копытом» Пилат, пишущий под псевдонимом «Собакин», — это Катаев.⁶

² См.: Путешествие в Московию Еремея Горсея. М., 1907. С. 6; Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905. С. 102. Ср.: Будовниц И. У. Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Т. 12. С. 174—177; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 147—149.

³ АИ. СПб., 1841. Т. 1. С. 375. Ср.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. (далее — ПЛДР). М., 1986. Вып. 8. С. 146.

⁴ АИ. Т. 1. С. 376; ПЛДР. Вып. 8. С. 148—150.

⁵ Катаев В. Медь, которая торжествовала // Сэр Генри и черт. Берлин, 1923. С. 72—74. Ср.: Катаев В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1983—1984. Т. 1. С. 259—262; Т. 7. С. 66—78.

⁶ Недоброжелательность изображения Булгакова в рассказе Катаева и отрицательное влияние рассказа на отношения между двумя писателями отметила Э. Проффер, полагающая, что под именем Ликоспастова в «Театральном романе», написавшем о герое пасквиль «Жилец по ордеру», отчасти был изображен Катаев (P r o f f e r E. Bulgakov. Ann Arbor, 1984. P. 71—72, 471, 596, n. 34, 631, n. 1). Но только одна черта упомянутого в «Театральном романе» пасквиля в какой-то степени перекликается с рассказом «Зимой» — упоминание о бедности быта «синеглазого писателя»; остальные же черты («хитрый, лукавый, лживый») явно напоминают изображение Алексея Васильевича в повести Слезкина «Девушка с гор», так же как и прочие черты образа Ликоспастова (старший по возрасту писатель, фамильярно именуемый героя «старик»), несомненно, принадлежит Слезкину. О прекращении дружеских отношений Булгакова с Катаевым свидетельствует полное отсутствие сведений о каких-либо связях между ними с конца 20-х годов: в обширной корреспонденции Булгакова сохранилась только одна недатированная телеграмма В. Катаева, связанная с прочтением его пьесы Булгаковым в МХАТе (ОР ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 402).

В пьесе «Блаженство» в эпизодах, где появляется царь, он читает как раз послание в Кириллов монастырь. «И руководителю к пренебесному селению преподобному игумену Козме, иже о Христе с братиею царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси челом бьет», — диктует Грозный, перенесенный машиной изобретателя Рейна в наше время, и даже когда он видит, куда попал, в ужасе кричит слова из того же послания: «Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Скверному душегубцу, ох! . . .». Слова из Послания в Кириллов монастырь вновь появляются на устах царя, когда его едва не забирает милиция: «Господие и отцы, молю вас, исполу есмь чернец. . .».⁷

Значительно шире использовано то же послание и ряд других древнерусских источников в пьесе «Иван Васильевич», где в отличие от «Блаженства» машина времени путешествует не в будущее, а исключительно в прошедшее — во времена Ивана Грозного: не только Иван Грозный попадает в XX век, но и люди нашего времени — управдом Бунша и жулик Жорж Милославский — в эпоху Грозного.

Пьеса «Иван Васильевич» дошла до нас в двух основных редакциях — первоначальной, сохранившейся в получерновом автографе и в двух машинописных текстах, и более поздней, по которой пьеса публиковалась до сих пор. Основное отличие между редакциями в том, что первоначально встреча героев разных эпох мотивировалась (как у Уэллса) действием машины времени, а затем по желанию руководителей Театра сатиры, ставившего пьесу, все происшествие было изображено как сон инженера Тимофеева, пытающегося создать такую машину. Но различие было не только в «приделанном сне», как назвал его сам Булгаков в записи на тексте второй редакции. Менялось и сюжетное обрамление пьесы. В обеих редакциях действие сопровождалось голосом из радиорепродуктора, насильственно установленного управдомом Буншей в квартире изобретателя. Однако во второй редакции по радио передавали оперу «Псковитянка», тогда как в первой, неопубликованной, редакции сна не было, и репродуктор передавал не оперу, а «утреннюю лекцию свиновода, которая заглушала даже телефонный звонок обокраденного жильца Шпака в милицию: «В плодовитости, дорогие товарищи, свинья уступает только кролику, да и то с трудом. . . Древние римляне прямо обожали свиней. . . Кстати, многие считают свинью грубой, глупой и неопрятной. Это несправедливо, товарищи. Не следует ли отрицательные свиньи стороны отнести за счет обращения с этим зверем. Ежели к нему хорошо относиться, то его можно даже дрессировать. . .».

О том, что данный мотив в первой редакции пьесы имел далеко не безобидный характер, свидетельствуют слова Тимофеева после гибели аппарата и прихода милиции: «Выслушайте меня. Да, я сделал опыт. Но разве можно с такими свиньями, чтобы вышло что-нибудь путное? . . .».⁸

Тема пьесы здесь заметно перекликалась с темой «Собачьего сердца», и неудивительно, что она была устранена в ходе переделки первой редакции, а лекция свиновода заменена «Псковитянкой», объяснявшей появление Ивана Грозного во сне Тимофеева.⁹

⁷ Булгаков М. Блаженство // Заря Востока. 1966. № 7. С. 80 и 107. Ср.: АИ. Т. 1. С. 372—373; ПЛДР. Вып. 8. С. 144—146.

⁸ ГБЛ, ф. 562, к. 13.7 (новый шифр: Ф $\frac{456-457}{456-457}$; далее — автограф), л. 6. По-

следняя реплика читается только в автографе первой редакции; в машинописных текстах она опущена. В настоящее время пьеса издается по тексту первой редакции в кн.: Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М. 1990. Т. 3.

⁹ Булгаков М. Драммы и комедии. М., 1965. С. 417—418, 472 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц). Наброски ко второй редакции «Ивана Васильевича» случайно сохранились в папке с перепиской о постановке реверса мольеровского «Мещанина во дворянстве»: «1а) У меня нет времени. 1) Псковитянка радио. 2) Австралию видеть — будущую машину. 3) Ну ладно. Какой человек подозрительный. 4) Где же знал. На репетиции» (РО ИРЛИ, ф. 369, ед. хр. 214).

Если в «Блаженстве» общение людей XX в. с эпохой Грозного ограничивалось одним эпизодом, то в «Иване Васильевиче» оно заняло центральное место. Наряду с Посланием в Кириллов монастырь, дважды цитируемым в пьесе, мы обнаруживаем в ней реминисценции и из других древнерусских памятников. Из послания Стефану Баторию 1581 г. взяты слова Грозного: «... не человеческим хотением, но божием соизволением царь есмь» (435).¹⁰ В речах митрополита (во 2-й ред. — патриарха) и боярина (во 2-й ред. — дьяка) царю цитируется «Слово (Моление) Даниила Заточника»: «Вострубим, братие, в златокорванные трубы! . . . Не зри на меня, аки волк на ягненка (ягня). . . Яви нам зрак и образ красен! Яко дуб крепится множества корению, тако град наш твоею державою. . . Подай же тебе, Господи, Сампсонову силу, Александрову храбрость, Иосифов ум, Соломонову мудрость, кротость Давыдову. Умножи люди во веки на державе твоей. . .» (456, 463).¹¹ Жену изобретателя Тимофеева царь восхваляет словами из «Летописной книги» начала XVII в., написанной, по-видимому, С. И. Шаховским, но приписывавшейся в прежней историографии И. М. Катыреву-Ростовскому: «Боярыня красотою лепа, бела вельми, червлена губами, бровьми союза, телом изобильна. . .» (445—446).¹² На пиру, где управдом Бунша, попавший в XVI в., оказывается в роли Ивана Грозного, гуслиры поют историческую песню о нападении крымского хана на Москву в 1572 г. (известную уже в записи начала XVII в.): «А не сильная туча затучилася. . . А не сильные громы грянули. . . Куда едет собака крымский царь. . .» (468).¹³

Могут быть отмечены и другие прямые и скрытые цитаты из древнерусских памятников. Слова Ивана Грозного о Борисе Годунове (в сцене с Зинаидой и Якиным): «Он, лукавый, презлым заплатил за предобрейшее» (441), — очевидно, восходят к «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского, где они характеризуют поведение самого царя по отношению к Сильвестру и Адашеву: «Тогда платит презлыми за предобрейшее. . . лукавствы и хитролествы за верные их службы». Оттуда же, видимо, взяты и дальнейшие слова Грозного: «Сам захотел царствовать и всем владети» (в «Истории» Курбского эти слова относятся к «шурьям» царя) и «повинен смерти» (в «Истории» эту кару выражают готовность понести Сильвестр и Адашев, если будет доказана их вина).¹⁴ Наконец, из этого же источника заимствовано и выражение «прыщ смертный», которое царь в пьесе обращает к режиссеру Якину. Другое обращение к тому же Якину — «хороняка» — восходит, очевидно, к третьему посланию Курбского к царю.¹⁵

Разумеется, не всегда исторические реалии в пьесе были точными. Так, М. А. Булгаков явно затруднялся, решая, какой именно город может потребовать шведский посол у Ивана Грозного (вернее, у оказавшегося на его месте Бунши) и оставил пробел в соответствующем месте автографа. Затем он решил сделать этим городом Кемь и «Кемскую волость»: именно

¹⁰ Ср.: ПЛДР. Вып. 8. С. 180. Эти слова из грамоты Ивана IV цитируются в статье Бестужева-Рюмина в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона (т. XIIIа, с. 690).

¹¹ Слово Даниила Заточника с предисл. и примеч. И. А. Шляпкина // ПДП. СПб., 1889. Вып. 31. С. 2—3, 4—5, 10—11, 14—15, 30—31; ср.: ПЛДР. М., 1980. Вып. 2. С. 388, 392, 398. Одна из цитат Даниила Заточника, опущенная во второй редакции «Ивана Васильевича», сохранилась в автографе (л. 17) и в первой редакции.

¹² РИБ. Т. 13. Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909. С. 621, 709; ср.: ПЛДР. М., 1987. Вып. 9. С. 424.

¹³ Русская устная словесность. Т. 2. Былины; Исторические песни / Под ред. М. Сперанского. М., 1919. С. 375; ср.: ПЛДР. Вып. 9. С. 539.

¹⁴ Курбский А. М. История о великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 99—100 (Оттиск из РИБ; Т. 31). Ср.: ПЛДР. Вып. 8. С. 137. На этот источник любезно обратил мое внимание Ю. Д. Рыков.

¹⁵ Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным (оттиск из РИБ. Т. 31). СПб., 1914. Стб. 151; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 115; ПЛДР. Вып. 8. С. 98.

Кемь Жорж Милославский от имени царя великодушно уступил шведам. В действительности никаких переговоров о Кемь шведы и русские в конце XVI в. не вели, хотя военные действия в этих местах происходили.¹⁶ Непонятно, почему глава русской церкви, правильно названный в 1-й редакции митрополитом, был переименован во 2-й редакции в «патриарха»: в конспекте курса истории СССР, написанном Булгаковым, в разделе, посвященном XVI в., учреждение московской патриархии в соответствии с историей отнесено ко времени Федора Ивановича.¹⁷ Неточными были и представления Булгакова о монетном обращении XVI в. Монеты, которыми пользовались при Иване Грозном в быту, были не золотыми, как думал писатель, а серебряными, изображался на них всадник («ездец»); золотые монеты были величайшей редкостью и употреблялись лишь как наградные знаки. В одном из списков пьесы золотая монета, данная царем режиссеру Якину, очевидно, должна была воспроизводить (как монеты XVIII—XIX вв.) портрет царя: «Я к и н: Глазам не верю. . . Ведь это же ваше лицо?! И о а н н: Не с твоей же бородой монеты чеканить!».

Но, конечно, было бы смешным педантизмом требовать от эксцентрической комедии скрупулезной точности в передаче исторических фактов.

Это не означает, однако, что комедия «Иван Васильевич» была лишь «шуткой»,¹⁸ что в своей комедии Булгаков не предлагал читателю никакой исторической концепции. Для того чтобы понять его взгляд на историю вообще и отношение к личности Ивана Грозного в частности, следует сказать несколько слов об оценке Ивана IV в доступной Булгакову историографии. Неверно думать, что оценка эта была однозначной. Задолго до того, как по воле Сталина в 1940—1941 гг. историкам была предписана безусловная апология Ивана IV как единственно «правильное, объективное толкование» его образа,¹⁹ в русской науке высказывались самые различные взгляды на эту фигуру — от сугубо положительного (как, например, в официозном учебнике начала XX в. А. Нечволодова)²⁰ до резко отрицательного (Карамзин, Костомаров, Ключевский).²¹ Но уже К. Д. Кавелин и особенно С. М. Соловьев пытались не столько судить и оценивать Грозного, сколько понять историческое значение его политики. Согласно С. М. Соловьеву деятельность Ивана Грозного была отражением борьбы между новыми, «государственными», и древними, «родовыми», началами.²² Точка зрения Соловьева была принята с теми или иными уточнениями рядом историков. С известными оговорками принял эту точку зрения К. Н. Бестужев-Рюмин, чья статья об Иване IV в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона была несомненно знакома Булгакову, постоянно пользовавшемуся этим словарем.²³ Такая точка зрения не имела характера прямой апологии Грозного, но несомненно, что дух гегелевского преклонения перед государственными деятелями заметно отразился на ней.

¹⁶ Автограф, л. 7 об. Ср.: Сб. РИО. СПб., 1910. Т. 129. О военных действиях в районе Кемь М. А. Булгаков мог знать из статьи «Кемь» в Энциклопедическом словаре Брокгауза—Ефрона (т. XVIa, с. 928).

¹⁷ Автограф, л. 17. Ср.: РО ИРЛИ, ф. 369, № 268, с. 93.

¹⁸ Так охарактеризовал «Ивана Васильевича» в отзыве, данном Главрепеткому в 1940 г., Ю. Юзовский, явно желая содействовать опубликованию пьесы Булгакова (Проблемы театрального наследия Булгакова. Л., 1987. С. 146).

¹⁹ Державин Н. Роман об Иване Грозном. Правда. 1944, 11 декабря.

²⁰ Нечволодов А. Сказания о русской земле. СПб., 1913. Ч. 4. С. 119—155.

²¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. С. 273—274; Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб.; М., 1881; Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1906. Ч. 2. С. 224—233, 246—249.

²² Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1897. С. 47, 52—53, 400; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза». кн. II (т. VI). Стб. 324—334.

²³ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. XIIIa. С. 681—692.

Совсем иной взгляд на историю был высказан писателем, оказавшим сильнейшее влияние на Булгакова, — Львом Толстым. Толстой подобно Гегелю и Соловьеву считал исторический процесс закономерным, но никакого преклонения перед этой закономерностью и ее выразителями, «историческими личностями», у него не было. Иван IV для Льва Толстого — пример властолюбия «злых» над «добрыми», воплощение «безумия и порока», «изверг». Однако уже в «Войне и мире» Толстой указывал, что суть истории XVI в. не в «большом характере Иоанна IV», а в массовых движениях, таких как «движение русского народа на восток, в Казань и Сибирь».²⁴

Этот взгляд в значительной степени воспринял и Булгаков. Уже в «Белой гвардии» явственно ощущается влияние исторической философии Толстого — его взгляд на «великих людей» как на «ярлыки», даваемые событиям, фантомы, «мифы».²⁵

Изображение эпохи Грозного в «Иване Васильевиче» было однозначным и весьма выразительным. Показанный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и чудовищно абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации. Стоило жулику Милославскому, попавшему в XVI век, назвать свое имя, как ему сразу же сообщили, что его повесили «на собственных воротах третьего дня перед спальней. . .». Сообразительный Милославский объяснил, что это был, очевидно, не он, а его двоюродный брат, от которого он «отмежевался» (457—458). Репрессии затрагивают и служащих дипломатического аппарата. «Был у нас толмач-немчин, да мы его анадьсь в кипятке сварили» (460), — сообщает Милославскому дьяк. «Забавный контраст между двумя эпохами < . . . », — заметил во вступительной статье к пьесам Булгакова В. А. Каверин, — «начинает выглядеть не столь уж забавным» (14).

Но нарисовав столь выразительный образ эпохи, Булгаков вовсе не склонен был преувеличивать значение его центральной фигуры. Скорее наоборот. Царь — «вылитый управдом», управдом, имеющий то же имя и отчество и временно занимающий царский трон: эта тема «двойничества» напоминает «Принца и нищего» Марка Твена — писателя, которого Булгаков знал и любил. Но в «Принце и нищем» бедняк Том Кенти, ставший королем, — умный и одаренный мальчик, и это помогает ему справиться с королевскими обязанностями. Бунша отнюдь не обладает природными способностями Тома Кенти, но это не мешает ему с помощью Милославского исполнять роль царя. По справедливому замечанию Каверина, у управдома «все получается; несмотря на то что Бунша необычайно, поразительно глуп, он бы и без посторонней помощи управился бы с дьяками, которые поминутно кидаются в ноги, с опричниками, которым можно приказывать что угодно, с патриархом. . . Порядки таковы, что управиться, в общем и целом, не так уж трудно. . .» (14).

Как видим, роль личности в истории представлялась Булгакову в «Иване Васильевиче» не более значительной, чем в «Белой гвардии». В автографе «Ивана Васильевича» между вторым и третьим актами сохранился текст реплики неизвестного персонажа о царе: «Он нервозен, как всякий Иоани Грозный. . .».²⁶

Но проблема государственной власти интересовала писателя не только сама по себе. После «Белой гвардии» Булгаков обращался к теме власти главным образом в связи с проблемой взаимоотношений между ее носителями и рядовыми людьми, в частности художниками («Мольер», «Последние дни» и др.).

²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1923—1964. Т. 12. С. 312; Т. 28. С. 192; Т. 36. С. 319, 323.

²⁵ Ср.: Лурье Я. С. Историческая проблематика в произведениях М. Булгакова (Булгаков и «Война и мир» Толстого) // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М., 1988. С. 192—201.

²⁶ Автограф, л. 35.

Этот аспект темы присутствует и в «Иване Васильевиче». В соответствии с историческими песнями об Иване IV царь в пьесе Булгакова не только грозен, но по временам и милостив. Попав в комнату изобретателя Тимофеева, он прощает его жену, ушедшую от мужа к режиссеру Якину, и жалуется режиссеру «вотчину в Костроме», предлагает обворованному соседу изобретателя «гривну».

Повелители не творят историю, но могут быть страшны или, напротив, доброжелательны по отношению к отдельным людям. Возможно, что Булгакову был известен ответ, данный учеником Сократа и учителем Диогена философом Антисфеном на вопрос, как следует относиться к власти: «Как к огню: не подходить слишком близко, чтоб не обжечься; не уходить слишком далеко, чтобы не замерзнуть» (отражение этого афоризма есть и в «Слове Даниила Заточника», использованном Булгаковым в пьесе).²⁷

В справедливости этого афоризма Булгакову приходилось убеждаться не раз. Он хорошо помнил телефонный разговор 18 апреля 1930 г., спасший его от «нищеты, улицы и гибели», и данное в январе 1932 г. распоряжение возобновить запрещенные в 1929 г. «Дни Турбиных», вернувшее, по его словам, автору «часть жизни». В 1936 г. Булгаков мог еще надеяться, что выйдут на сцену «Мольер», «Иван Васильевич» и «Последние дни» и будут напечатаны другие его произведения. Надежда эта не покидала его, несмотря на неудачу с «Мольером» и «Иваном Васильевичем», и в последующие годы. Иллюзия, что власть может хоть немного согреть замерзающего человека, сохранялась у него по крайней мере до 1939 г.

Судьба пьесы «Иван Васильевич» (как и судьба следующей пьесы — «Батума») никак не подтверждала этой иллюзии. «Иван Васильевич» был снят со сцены в 1936 г. заодно с «Мольером» (сразу после генеральной репетиции) вероятнее всего потому, что под сомнение было поставлено все творчество автора. Но появившись эта пьеса с упоминанием «сваренного в кипятке» деятеля ведомства внешней политики и репрессированного Милославского, от которого его родственник спешит «отмежеваться», на сцене, она, вероятно, принесла бы автору не меньше неприятностей, чем «Дни Турбиных» и «Мольер».

В марте 1941 г. в «Известиях» появилась явно инспирированная Сталиным статья горьковского писателя В. Костылева, осуждавшая всех критиков Ивана Грозного от современников царя до историков, которые «не стеснялись „вешать собак“ на Ивана IV», хотя государство при нем «настолько окрепло, что ни „смута“, ни польская интервенция не могли поколебать и умалить его могущество».²⁸ К этому времени изображение Ивана IV в «Иване Васильевиче» стало бы просто крамольным. Но Булгаков до этого нового поворота в официальной исторической концепции не дождался — он умер за год до посмертной реабилитации Ивана Васильевича. ¶ |

²⁷ Слово Даниила Заточника. С. 16. Афоризм Антисфена см.: Л у р ь е С. Я. Предгечи анархизма в древнем мире. М., 1926. С. 157.

²⁸ Костылев В. Литературные заметки // Известия. 1941. 19 марта. О романе В. Костылева и его связи с высказываниями Сталина см.: Л у р ь е Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 216—218.